

Собеседник

Аркадий Райкин

РЫЦАРЬ ДОБРА И СМЕХА

На его спектаклях обязательно наступают минуты полной тишины. И вслед за ними взрыв смеха и оваций. Трудно сказать, сколько их — таких мгновений — было у народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Аркадия Райкина за 50 лет его неустанный сценический творчества. Сотни! Тысячи! Или десятки тысяч! Пожалуй, и сам актер не сможет ответить на этот вопрос. Главное — он подарил радость таких мгновений людям. А ведь только на спектаклях Ленинградского Государственного театра миниатюр побывало свыше 40 миллионов зрителей...

И вот Райкину 70. На днях Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— Аркадий Исаакович, разрешите прежде всего поздравить вас с юбилеем и высокой наградой Родины.

— Спасибо. Это самый счастливый день в моей жизни.

— В юбилей обычно принято возвращаться в прошлое. На вашем творческом пути было немало памятных дат. Какая из них вам особенно дорога?

— Наверное, та, которая совпала с моим двадцативосьмилетием — в тот год родился Театр миниатюр. Вместе с ним я прожил счастливую пору. И вот мне уже 70, а театр по-прежнему молод. Впрочем, на сцене и я чувствую себя тридцатилетним. Еще одна дата совсем недавняя. И опять она связана с театром. Сюда пришел играть мой сын Константин. Признаюсь, для меня это самый большой подарок к юбилею.

— Про Райкина нередко говорят — человек с тысячько лиц. Как вы сами относитесь к этому?

— Не буду оспаривать. Театр — трибуна, с которой можно говорить с миром во многих лицах. И это право я использую полностью. Например, в спектаклях прошлых лет я выводил порой на сцену до тридцати масок-персонажей. Они произносили лирические монологи о любви и обличали человеческие пороки...

— Зритель их помнит и любит. Тем более было неожиданным, когда в последнее время вы решительно отказались от них. В чем причина, если не секрет?

— Секрета нет никакого. Просто я сыграл в маске столько отрицательных ролей,

что в конце концов решил — надо же показать зрителю и собственное лицо. Впрочем, вы догадываетесь, что я шушу. Действительно, масок нет, но слово-то осталось. И зритель по-прежнему смеется. А это верный признак равнодушия к тем явлениям, которые мы, артисты Театра миниатюр, обличаем со сцены. Вообще я считаю, что человеческое равнодушие — источник многих бед. Еще есть люди, равнодушные ко всему, кроме себя. Это, по-моему, отвратительнейшее явление жизни. И со сцены я борюсь и буду бороться с ним беспощадно.

— От вас, вернее, от ваших персонажей, нередко достается работникам сферы обслуживания. Некоторые из них даже стали нарицательными, их реплики крылатыми...

— Знаете, я был бы очень рад, если бы все эти, с позволения сказать, «герои» отжили

свой век, то есть исчез бы сам предмет сатиры — некого и не за что было бы «ругать». Именно для того, чтобы они исчезли совсем, я и выхожу на сцену. Но не от места работы зависит, попадет тот или другой типаж под острие сатиры. Все зависит от отношения человека к делу. Это касается и работников сферы обслуживания,

Однако осмеяние недостатков для сатирика — не самоцель. Гораздо важнее то, что сатира, по-моему, — проявление доброты к людям, которые страдают от бюрократов, жуликов, тунеядцев и других типов. Наше искусство — доброе искусство. И знаете, почему? Смеясь, человечество, так сказать, незаметно-незаметно расстается со своими недостатками.

— Аркадий Исаакович, юбиляру всегда желают многого и разного. Ну, а что бы пожелал сейчас Райкин-человек Райкину-артисту?

— Всегда оставаться на сцене молодым.

— А Райкин-артист — Райкину-человеку?

— Чутьчик больше здоровья.

Что ж, от всего сердца присоединяемся к этим пожеланиям. И ждем новых встреч на сцене театра.

А. РОСТОВЦЕВ.